

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЭВОЛЮЦИЯ САКРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ

Т.В. Карадже

Кафедра политологии и социологии
Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1-1, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается эволюция сакрализации власти, анализируются основные причины и факторы, определяющие генезис данного процесса.

Ключевые слова: власть, сакральность, эволюция власти, магическое сознание, религия, власть-собственность.

Американский психолог А. Джордж на основании результатов многочисленных исследований выделил следующие виды чувств, возникающих у человека при обретении власти:

- чувство собственной незначительности компенсируется чувством уникальности;
- чувство моральной неполноценности у политического лидера компенсируется чувством превосходства;
- чувство слабости компенсируется чувством обладания высшей силой;
- чувство посредственности у политического лидера компенсируется чувством обладания высшими способностями;
- чувство интеллектуальной неадекватности компенсируется чувством интеллектуального превосходства и компетенции (См.: [1]).

В чем причина таких удивительных перемен? Почему человек, входящий во власть, начинает верить в собственное всемогущество и что есть во власти, заставляющее людей подчиняться этому человеку и испытывать к нему чувство благоговения и страха? Попытаемся рассмотреть, как формировалось такое отношение к власти на протяжении длительной эволюции человечества.

Анализ генезиса общественного сознания свидетельствует, что архетипические, мифологические, мистические характеристики коллективного мышления связаны не только с онтологией первобытных сообществ; они присущи, в той или иной форме, природе человеческого сознания в целом, в том числе и современным сообществам.

Л. Леви-Брюль выдвигая идею о двойственности, гетерогенности мышления в любой культуре, отмечал: «Не существует двух форм мышления у человечества: одной пралогической, другой логической, отделенных одна от другой глухой стеной. Есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и часто, — может быть, всегда, — в одном и том же сознании» [5. С. 28]. А значит, истоки представлений о власти следует искать в глубинах магического сознания, в недрах которого и сформировались архетипы сакральности власти.

Особенность магического сознания — в целостности восприятия мира: природа воздействует на человека, но и он посредством определенных магических действий также может оказывать на нее влияние. Попытка человека изменять окружающий мир посредством этих действий в принципе и есть магия, при помощи которой люди не только общались с потусторонним миром, но и пытались влиять на него.

Для выявления истоков сакрализации власти необходимо рассмотреть значение магии в древних сообществах.

Дж. Фрэзер отмечает, что в этот исторический период активно развиваются различные виды магии: охотничья, рыболовная, военная, любовная, лечебная. Б. Малиновский, акцентируя внимание на таких ее свойствах, как помощь, защита, уничтожение или нейтрализация врага, отмечал, что магия сопровождает человека на протяжении всей его жизни, и особенно в те моменты, когда ему необходима уверенность в помощи и покровительстве сакральных сил: «Мы находим магию повсюду, где достигают широких масштабов элементы удачи и случайности и эмоциональная комбинация надежды и страха, там где присутствует элемент опасности. Магия также выполняет еще и другую, причем крайне важную, социальную функцию: она является действенным элементом в организации труда и его систематическом упорядочении» [6. С. 328].

По мнению А.С. Токарева, вредоносная (разрушительная) магия играла огромную роль в жизни народов как необходимость защитить себя от «чужих». Приписывание всяких болезней, смертных случаев колдовству чужеземника — явление распространенное повсеместно. Так, туземцы Новой Гвинеи верят, что всякая смерть происходит от тайного врага из соседней деревни. Папуасы племени мафулу или байнинги Газели (Новая Британия) всегда приписывают неудачи, болезни и смерть своим врагам, береговым жителям, и «почему это так, они не раздумывают» [8. С. 90]. Поэтому задача колдуна деревни — оберегать «своих» от «чужого» влияния, и именно он является гарантом защиты племени. Подобные представления устойчивы, сохраняются до сих пор и широко распространены в культуре большинства народов мира, хотя и в измененном виде.

Трудно переоценить значение в жизни ранних народов и такого фактора, как погода. Зачастую именно погода определяла возможность выживания племени, поэтому человек, управляющий погодой — «делатель дождя» — всегда пользовался беспрекословным авторитетом. Дж. Фрэзер, опираясь на антропологические исследования по поводу связи между должностями вождя и делателя дождя в Южной Африке, приходит к выводу, что способность вызывать дождь в некоторых

регионах мира и стало началом появления института вождей [11. С. 96], т.е. человек, занимающийся общественной магией, часто превращался в правителя. Можно предположить, что в этом выдвижении сыграли роль как беспредельный страх, который маг внушает к себе, так и значительное состояние, которое он накапливает при исполнении своих профессиональных обязанностей.

Б. Малиновский также отмечал, что колдуны и знахари, окутанные ореолом таинственности и атмосферой страха, пользовались огромным влиянием и авторитетом.

Анализ древних культур свидетельствует о глубоко укорененных представлениях о том, что верховный правитель происходит от древнего мага или знахаря. Была распространена вера в то, что властители обладают магическими или сверхъестественными способностями, с помощью которых они могут оплодотворять землю и одаривать своих подданных различными благодеяниями. На Маркизских островах существовала группа людей, которые обожествлялись при жизни. Считалось, что они обладают сверхъестественной властью над природными стихиями: могут ниспосылать обильные урожаи и поражать землю бесплодием; насыпать болезнь или смерть. Чтобы отвратить гнев таких людей, им приносились человеческие жертвы. Таких боголюдей приходилось на каждый остров не более одного-двух [11. С. 96].

Позже соединение царского титула с отпращиванием жреческих обязанностей стало обычным делом. Цари были и жрецами. Божественность, окутывающая царя, была не пустой фразой, а выражением твердой веры. Во многих случаях царей почитали не просто как посредников между человеком и богом, но и как богов, способных воздействовать на природу и лечить людей, насыпать любовные чары и порчу, определять ход природных явлений. Царь, обладающий магическими способностями, воспринимался как продолжение божества и был окружен беспредельной любовью и почитанием. Однако обладание властью предполагает ответственность: так как власть царя над природой, как и власть над подданными и рабами, осуществляется посредством его волевых актов, то если имеют место засухи, голод, эпидемии, бури, народ приписывает эти напасти небрежности или преступному поведению своего властителя. За это его наказывают розгами и заковывают в кандалы, а если он продолжает упорствовать, его либо свергают, либо убивают [11. С. 182].

Магическое сознание наделяет представителя власти не только свойством осуществлять связь с потусторонним миром, но и свойством воздействовать на него. Это немаловажный фактор в понимании сущности магического сознания и сакральности власти. И если в силу каких-то обстоятельств царь (маг, вождь) не хочет или не способен заставить потусторонние силы помогать (а это одна из его важнейших функций), то общество имеет полное право изгнать его. Однако подданные должны позаботиться о том, чтобы их повелитель обладал этими способностями, что означает необходимость, во-первых, как минимум выбрать достойного, во-вторых, определить как он должен себя вести, чтобы его способности были использованы на благо подданных.

Так, во многих культурах считается, что физические или психические недостатки служат признаком того, что предполагаемый наследник не пользуется божественным расположением и поэтому он не может стать правителем. Антропологами зафиксировано множество фактов, среди которых и подробные описания подобных традиций в Тропической Африке: «Можно вспомнить, что и девятый оба Бенина был побит камнями, когда его разбил паралич ног, а после смерти одиннадцатого обы его первенец был забракован из-за хромоты» [7. С. 241].

У многих народов власть вызывала священный ужас еще и потому, что, как они считали, человек, обладающий ею, должен за это заплатить собственной жизнью.

У многих народов процветание и могущество страны отождествлялось со здоровьем и энергией правителя. Согласно древним нигерийским традициям, царя можно было сместить с престола и предать смерти даже за нарушение какого-то запрета, за болезнь или чихание. В качестве превентивной меры его, в любом случае, уничтожали после семи лет правления (наследник для восприятия божественного дара в ритуальных целях съедал его мозг, сердце, почки). Ритуальная смерть после семи лет правления сохранялась в Ифе, тогда как в других государствах йорубов она применялась только после констатации потери божественного дара.

Поскольку священная природа монарха не позволяла ему жить в качестве частного лица или править только благодаря терпимости и милосердию своих подданных, он должен был убить себя сам. Так, мвами в Руанде, не имея права умереть от старости, должен был прибегать к самоубийству; у хима в Анколе, когда силы правителя шли на убыль, маг давал ему яд [7. С. 241].

Всегда существовала опасность потери божественного дара, и если, по несчастью, божественный дар убывает, монарх не может сохранить власть. Для того чтобы избежать этой опасности и угрозы, нависшей над *persona sacrosacta*, а значит, и над всем народом, необходимо было жестко ритуализировать всю жизнь правителя.

Личность монарха должна быть защищена даже от его собственных сил, что достигалось посредством многочисленных запретов, ограничивающих свободу его действий: в Руанде и Бурунди мвами не мог выпить чашку молока до дна или встать на колени, дабы не уменьшить протяженности государства; он не мог сдвинуться с места без сопровождения звуков тамтамов. В случае военного нападения он должен был оставаться неподвижным в сидячем положении, не глядя ни направо, ни налево, ни назад. В государстве Ашанти четко определялись причины потери божественного дара правителя: стремление правителя навязывать собственные оценки в противоположность мнению советников; притеснение, произвол, оскорбление, развращенность; пренебрежение к государственным делам; недостаток достоинства при общении с женщинами; отсутствие правительственных собраний; болезни, лишаящие его дееспособности [7. С. 241].

Также жестко регламентирована и ритуализирована была жизнь фараонов, которым поклонялись как богам: «Жизнь египетских фараонов, — рассказывал Диодор, — не похожа на жизнь других монархов, которые ни за что не отвечают и могут делать все, что им заблагорассудится. Напротив, все, что относится к фа-

раонам, установлено законом: не только их официальные обязанности, но и детали обыденной жизни... Днем и ночью были предусмотрены часы, когда фараон должен был делать не то, что ему нравится, а то, что ему предписывается» [11. С. 182].

Рассматривая традиции в Японии, где личность верховного правителя считается динамическим центром вселенной, от которого во все стороны расходятся силовые линии, Дж. Фрэзер отмечает, что согласно этим традициям всякое движение, поворот головы, поднятие руки императора незамедлительно оказывают серьезное воздействие на природу. «В древности император был обязан каждое утро просиживать несколько часов на троне с короной на голове, неподвижный как изваяние, не шевеля ни руками, ни ногами, ни головой, ни глазами, ни другими частями тела. Предполагалось, что таким образом он поддерживал мир и благоденствие во всей империи, так как повернись он случайно в ту или другую сторону или останови он подольше взгляд на какой-то части своих владений, и возникало опасение, что на страну надвинется война, голод, пожар или другое великое бедствие» [11. С. 268].

Одним из факторов, в значительной степени повлиявших на отношение к власти как объекту, вызывающему священный ужас и трепет, стал запрет, табу. В известных нам древних обществах запреты были основным индикатором социально-политической иерархии. По мере того как индивид или группа переходили из одного социального статуса в другой, с них снимались одни запреты и накладывались другие. Таким образом, получалось, что табу, регулировавшие поведение индивида или групп с более низким социальным статусом, для высших социальных слоев запретами не являлись.

Иными словами, имело место несоответствие поведения в зависимости от социального положения индивида или группы. Так формировались «психологическая иерархия и психология управляемых, включавшая в себя эмоции страха и почтения по отношению к управляющим, которыми являлись высшие социальные категории» [2. С. 50].

Характер нарушения табу, имевших ритуальную форму, был особенно очевидным, и З. Фрейд отмечал, что «властелинам предоставляются большие права, совершенно совпадающие с запрещениями, табу для других. Они являются привилегированными особами: они могут делать то и наслаждаться тем, что, благодаря табу, запрещается всем остальным. В противовес той свободе имеются для них другие ограничения — табу, которые не распространяются на обыкновенных лиц» [10. С. 61].

О.С. Томановская, исследующая социальную структуру народов Нижнего Конго, писала: «Из легенд и сообщений информантов известно, что в прошлые времена коронации предшествовал еще один акт, смысл которого не поддается простому толкованию. Непосвященный преемник вождя должен был убить кого-нибудь из своих клановых родичей, а иногда даже и нескольких или совершить иные поступки, запретные или необычные для остальных: инцест, гомосексуальный акт и т.п. Можно допустить, что действия такого рода должны были служить знаком обретения преемником сверхъестественных качеств, ставящих его над остальными людьми, вне норм обычного права» [9. С. 114].

Нарушение запретов представителями высших страт социально-политической иерархии увеличивало в глазах общества магический потенциал вождей. Человек, наделенный властью, стал восприниматься не только как человек, взаимодействующий с потусторонними силами, воздействующий на них, но и как не зависящий от этих сил, о чем свидетельствует нарушение им табу. Безнаказанно нарушая табу, он сам становится вне общества, вернее, выше общества, вызывая священный ужас и трепет.

В результате, с одной стороны, сильной концентрации запретов вокруг персоны лидеров, с другой — нарушения ими табу и запретов, обязательных для всех, возрастала и степень психологического воздействия или, вернее, психологического принуждения, оказываемого на управляемых. Основной составляющей, обеспечивающей это принуждение, был страх, испытываемый по отношению к вождю, что, в конечном счете, и формировало соответствующее эмоциональное отношение к власти со стороны общества. Отсюда представление о том, что некоторые люди, наделенные сверхъестественными способностями, могут быть при жизни причислены к лику богов и принимать знаки поклонения в виде молитвы и жертвоприношения. В одних случаях власть этих богов в человеческом образе ограничивается чисто сверхъестественными или духовными функциями, в других случаях они сверх того обладают высшей политической властью и тогда являются одновременно и верховными правителями, и богами.

Религия окончательно закрепляет сакральность власти. Божественное происхождение или покровительство божественных сил становятся необходимым атрибутом генеалогического древа императоров, царей и королей. Формируется особый тип общественного мировоззрения, связывающий правителя и государство как единое целое, освященное Богом.

Необходимо отметить, что ключевым моментом древнерусского языческого сознания является отсутствие веры в божественное происхождение княжеской власти. В Древней Руси власть князя не обожествлялась до принятия христианства. Возможно, в этом объяснение того, что Новгород, приглашая на княжение Рюрика, рассматривает такой шаг всего лишь как факт найма вечем дружины, способной выполнить функцию охраны города. Воззрение языческой Руси на князей как на берущих дань за свои услуги дружинных конунгов, которых можно прогнать, если они неуютны, и даже убивать (как древляне Игоря), всячески искоренялось церковью после принятия православия, представлявшего их как богоданных и прирожденных государей.

Православие основывалось на убеждении, что княжеская власть «учинена от Бога» и должна творить Божью волю. Но так как «всяка власть от Бога» и так как князь «есть Божий слуга», то ему надлежит повиноваться и его надлежит чтить. Церковь требовала от подданных князя, чтобы они «имели приязнь» к повелителю, не мыслили на него зла и смотрели на него как на избранника Божия.

Сакрализация власти — это не одновременный акт, это длительный эволюционирующий процесс, который вначале распространялся только на непосредственных носителей власти — шаманов, колдунов, вождей, власть которых в большой степени опиралась на традиции.

С формированием института государства насилие как легитимная форма принуждения оказалось еще одним фактором, усиливающим страх перед властью. Иными словами, представители государственной власти стали обладать потенциальной возможностью использовать мощь уже всего государства для легитимного насилия по отношению к обществу. Сакральной стала власть уже не конкретного индивида, а государственной должности.

Исследуя генезис сакрализации власти, необходимо отметить, что этот процесс, несмотря на общие закономерности, имеет ряд различий на Западе и Востоке. И одно из них — особенности взаимодействия власти и собственности.

Особенностью феномена «власть—собственность», сложившегося на Востоке, является отсутствие частной собственности. Существовала собственность коллективная, общинная, племенная и сводилась она, прежде всего, к представлению о праве на ресурсы, принадлежащими данной группе. Однако распоряжался этой собственностью старейшина, правитель.

Власть-собственность и есть альтернатива европейской частной собственности, причем это не столько собственность, сколько власть. Здесь функции собственника опосредованы причастностью к власти, т.е. к должности, но не к личности правителя. Отсюда: власть — индульгенция на собственность, она неприкосновенна, пока человек находится у власти. Власть неразрывно связана с возможностью получить собственность и ею пользоваться, поэтому политика и власть на Востоке — это область пересечения прежде всего экономических интересов.

Сакрализация должности правителя была важным моментом институционализации и деперсонализации его власти, постепенного превращения в символ. Отсюда был только шаг до того, чтобы возникло представление о высшем покровительстве сверхъестественных сил, о божественной благодати, которая тем сильнее и больше, чем выше стоит человек на социальной лестнице. В результате обладание сакральной благодатью постепенно превращалось в свойство людей, причастных к власти. А в обществах, где понятие частной собственности отсутствовало и практически все было собственностью рода и общины, право на избыточный продукт стало принадлежать исключительно должности вождя и главе рода.

Власть и администрирование преобладали абсолютно, тогда как отношения собственности были вторичными по отношению к власти. Главное, что отличает верхи от низов, — это момент власти. Особенностью всей системы отношений является ее исключительная устойчивость, стабильность, способность к регенерации. Но нельзя не осознавать необходимости существования частных собственников и рынка: при их наличии начинает формироваться социальная модель, где существует такое сочетание государственной и частнособственнической форм хозяйства, при котором приоритет государственной формы вне сомнений.

Выработались строго фиксированные нормы, призванные регламентировать частнособственнический сектор, обеспечить верховный контроль государства и примат административной власти над отношениями собственности. Это означает, что в обществе не существовало строгих индивидуальных прав собственника, они были поставлены в зависимость от носителя власти. Закономерным результа-

том доминирования общины, основанной на «азиатской форме собственности», стало формирование такого социума, будь то община или союз общин, в котором господствующим связующим началом выступали кровнородственные, клановые связи и отношения и редистрибутивный принцип распределения. Так сакрализация власти была усилена экономической составляющей.

Нельзя не остановиться еще на одном факторе, способствующем воспроизводству отношения к власти как сакральному феномену. Каждый индивид фактом своего рождения автоматически приобщается к накопленному предшествующим поколением опыту, представлениям и верованиям и каждому передается на уровне архетипического бессознательного отношение к уже закристаллизовавшимся формам власти. К тому же накопленный опыт общества защищается рядом специальных государственных учреждений, не только воздействующих на сознание, но и грозящих прямым насилием вплоть до физического уничтожения.

Так под влиянием порой противоположных чувств — страха и заинтересованности, уважения и опасения — вырастает сложное и глубокое чувство благоговения перед сакральностью власти, передаваемое от поколения к поколению, уничтожающее любую попытку восстать против реально неосознаваемой, но объективно существующей силы. И эта сила — власть, которая существует вечно, в то время как реальные ее обладатели рождаются, живут и умирают, являясь лишь выразителями этой силы.

И представители власти, и подвластные живут в этой атмосфере взаимовнушения. Невзирая на, казалось бы, очевидную резкую противоположность их интересов, они солидаризируются в преклонении пред мистически неуловимой, сверхъестественной силой, ставшей существенной и необходимой.

И авторитет этой силы строится вовсе не на исключительно высоком нравственном ее содержании, последнее может не только не отвечать нашим представлениям о справедливости, но и идти прямо вразрез с ними. Однако постоянная работа коллективного самовнушения сообщает формальной, по существу неодолимой силе, авторитет и силу.

Согласно П. Бурдье, отношения власти воспроизводятся в символических властных отношениях, опираясь на приобретенный в предшествующей борьбе и гарантированный законом символический капитал (См.: [3]).

Наблюдается парадоксальный феномен: человек, не обладающий личностными достоинствами и харизмой, приходя во власть и используя символический капитал власти, к нему лично не имеющий никакого отношения, становится частью сакрального пространства власти. Присвоение титула, должности, звания индивиду является одним из способов приобщения к власти и демонстрации исключительного права пользоваться символическим капиталом власти. Наблюдаются весьма интересные метаморфозы как в индивидуальном сознании политика, начинающего верить в собственное личное могущество, так и в общественном сознании рассматривающего его уже как представителя власти.

П. Сорокин отмечал, что современная власть не только не десакрализована, но продолжает укреплять свое сакральное пространство, которое со временем ста-

ло распространяться на всех представителей власти. В политические ритуалы нередко вводятся различные сакральные и религиозные элементы, дабы придать политическим событиям и действующим в них лицам привлекательность и возвысить их.

Подводя итоги, можно выделить следующие факторы в качестве детерминанты сакрализации власти: устойчивость архетипов магического и религиозного сознания, являющихся прообразом представлений о власти; социокультурные традиции, закрепляющие сакральность в политической культуре; легитимное насилие как атрибут власти; наличие у власти ресурсов и возможность распределения привилегий; организация жизнедеятельности социума и его защиты. Сочетание рациональных и иррациональных аспектов власти воспринимается коллективным бессознательным не как иллюзорное явление, а как реальный феномен, обладающий сакральными свойствами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абашикина Е., Егорова-Гантман Е. и др.* Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером: Психологическое пособие для политиков. — М.: Антиква, 1993.
- [2] *Бочаров В.В.* Власть. Традиции. Управление. — М., 2003.
- [3] *Бурдые П.* Социология политики. — М., 1993.
- [4] *Карадже Т.В.* Политическая философия. — М.: Мысль, 2007.
- [5] *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1998.
- [6] *Малиновский Б.* Избранное: динамика культуры. — М.: РОССПЭН, 2004.
- [7] *Пирцио-Биролли Д.* Культура и традиции Тропической Африки. — М., 2001.
- [8] *Токарев А.С.* Ранние формы религии. — М.: Изд-во политической литературы, 1990.
- [9] *Томановская О.С.* О древних общественных структурах у народов Нижнего Конго (опыт реконструкции). Этническая история Африки. — М., 1977.
- [10] *Фрейд З.* Тотем и табу. — Пг., 1924.
- [11] *Фрээр Дж.* Золотая ветвь. — Политиздат, 1980.

REFERENCES

- [1] *Abashkina E., Egorova-Gantman E. i dr.* Politikami ne rozhdayutsja: kak stat' i ostat'sja jeffektivnym politicheskim liderom: Psihologicheskoe posobie dlja politikov. — M.: Antikva, 1993.
- [2] *Bocharov V.V.* Vlast'. Tradicii. Upravlenie. — M., 2003.
- [3] *Burd'e P.* Sociologija politiki. — M., 1993.
- [4] *Karadzhe T.V.* Politicheskaja filosofija. — M.: Mysl', 2007.
- [5] *Levi-Brjul' L.* Sverh#estestvennoe v pervobytnom myshlenii. — M., 1998.
- [6] *Malinovskij B.* Izbrannoe: dinamika kul'tury. — M.: ROSSPJeN, 2004.
- [7] *Pircio-Biroli D.* Kul'tura i tradicii Tropicheskoy Afriki. — M., 2001.
- [8] *Tokarev A.S.* Rannie formy religii. — M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1990.
- [9] *Tomanovskaja O.S.* O drevnih obshhestvennyh strukturah u narodov Nizhnego Kongo (opyt rekonstrukcii). Jetnicheskaja istorija Afriki. — M., 1977.
- [10] *Frejd Z.* Totem i tabu. — Pg., 1924.
- [11] *Frjezer Dzh.* Zolotaja vetv'. — Politizdat, 1980.

EVOLUTION OF SACRALIZATION OF POWER

T.V. Karaje

The Department of Political Science and Sociology
Moscow State Pedagogical University
M. Pirogovskaya str., 1/1, Moscow, Russia, 119991

In the given article the author investigates evolution of sacralization of power, analyzes the main reasons and factors that define genesis of the aforementioned process.

Key words: power, sacredness, evolution of power, magical consciousness, religion, power-property.